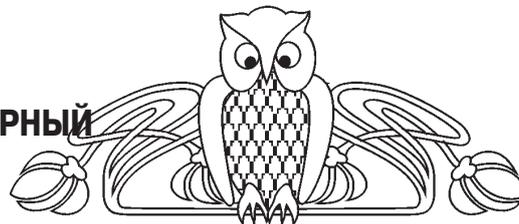

- XVI в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ленингр. отд. Ин-та истории СССР АН СССР. Л., 1974. С. 15.
- ¹⁶ *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 120.
- ¹⁷ Аналогичное заключение можно найти и в коллективном труде: История северного крестьянства. Т. 1. Крестьянство европейского Севера эпохи феодализма. Архангельск, 1984. С. 101.
- ¹⁸ *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 120.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 71.
- ²¹ См.: *Миронов Б. Н.* Указ. соч. С. 5–6.
- ²² См.: Архив Маркса и Энгельса : в 16 т. М., 1941. Т. 9. С. 12.
- ²³ См.: *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976. С. 32.
- ²⁴ См.: *Миронов Б. Н.* Указ. соч. С. 7.
- ²⁵ См.: *Бакланова Е. Н.* Переписная книга как источник по истории крестьянской семьи в Вологодском уезде // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 173–175.
- ²⁶ См.: *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 21.
- ²⁷ См.: *Воробьев В. М., Дегтярев А. Я.* Основные черты сельского расселения на северо-западе Руси в XVI–XVII вв. // История СССР. 1980. № 5. С. 177–178.
- ²⁸ Некоторые категории семей в указанной статье не определялись однозначно: например, группа «хозяин и братья» может быть отнесена и к расширенной семье (если братья не женаты) и к составной (если женаты). В таком случае индикатором считалось наличие в данной группе детей (тогда налицо вторая семейная пара – а это уже составная семья); спорные варианты интерпретировались как семьи расширенные.
- ²⁹ См.: Аграрная история Северо-Запада России XVII в. (населения, землевладение, землепользование). Л., 1989. С. 55–62.
- ³⁰ См.: *Миронова Б. Н.* Указ. соч. С. 7.
- ³¹ См.: *Александров В. А.* Черты семейного строя у русского населения Енисейского края XVII – начала XVIII в. // Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Сиб. этнограф. сб. 1961. Вып. 3. С. 9–11.
- ³² Там же. С. 23.
- ³³ *Ласлетт П.* Указ. соч. С. 150.
- ³⁴ См.: *Миронов Б. Н.* Указ. соч. С. 17–20.
- ³⁵ Согласно микропереписи РФ 1994 г. на долю малой семьи приходится 62%, расширенной – 10,6%, сложной – 4,5%, одиноких с детьми – 12,9%.
- ³⁶ *Hajnal J.* European Marriage Patterns in Perspective // Population in History / eds. D. V. Glass, D. E. C. Ever-
slay. L., 1965. Публикация на русском языке: *Хайнал Дж.* Европейский тип брачности в перспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века : сб. статей / под ред. А. Г. Вишневского, И. С. Кона. М., 1979. С. 14–70.

УДК 271(908)

ИСТОБЕНСКИЙ ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Е. В. Кустова

Вятский государственный гуманитарный университет
E-mail: kustovael@yandex.ru

Цель статьи – на примере Истобенского Троицкого монастыря рассмотреть условия и факторы создания и развития небольших монастырей в Вятской и Великопермской епархии в XVII – первой четверти XVIII в. Основное внимание уделяется изучению экономического, социального и духовного аспектов в жизни монастыря. В статье показаны местные особенности развития монашества на фоне общероссийских процессов.

Ключевые слова: Вятская и Великопермская епархия, Истобенский монастырь, монашество, повседневная жизнь, вкладчики, вотины, монастырские крестьяне, монастырская реформа Петра I.

The Istoben Trinity Monastery in the XVII – Early XVIII Centuries: Sociocultural and Economic Aspects

E. V. Kustova

The purpose of the article is to consider the conditions and factors of the creation and development of small monasteries in the Vятка

and Velikopermskaya Diocese in the XVII – the first quarter of the XVIII centuries illustrated by the Istoben Trinity Monastery. Special attention is focused on the study of the economic, social and spiritual aspects of life in the monastery. The article shows how the local features of the monasticism developed with the all-Russian processes in the background.

Key words: Vятka and Velikopermskaya Diocese, Istoben monastery, monk, everyday life, philanthropists, fiefdoms, monastery peasants, monastic reform of Peter I.

Историки монашества обычно избирают объектом своего исследования крупные и значимые в истории России обители. В то же время основная масса небольших монастырей, которые составляли живую ткань повседневной жизни провинции, зачастую остаются за рамками профессиональных интересов. Особенно это относится к ранним этапам их истории, что обусловлено узкой источниковой базой и спецификой работы с документами. В то же время их изучение крайне важно, поскольку

оно позволяет понять, как возникали монастыри и в чем заключались особенности этих процессов в разных регионах, проанализировать внутреннюю жизнь небольших монастырей и сравнить ее с крупными обителями, понять роль монастырей в экономической и духовной жизни доиндустриального общества, когда православие играло особую роль в жизни русского народа.

Система православных обителей в Приуралье сложилась за сравнительно короткий период времени: с середины XVI до конца XVII в. Именно в это время активно шла колонизация Вятского края, в том числе и церковная. В этом процессе монастыри становились активными центрами освоения новых земель, создания новых погостов и постройки храмов. Первым на Вятке был основан в 1580 г. преп. Трифоном Вятским Хлыновский Успенский монастырь. Его иноки стали инициаторами или помощниками в создании 4 обителей в Слободском уезде. Чуть позднее монастыри формируются в Котельничском и Орловском уездах; только в Шестаковском уезде они так и не появились.

Истобенский Троицкий монастырь стал первой обителью в Орловском уезде. Он располагался на р. Вятке в Истобенской волости (ныне Оричевский район Кировской области). Его истории посвящено несколько статей, которые имеют краткий справочный характер и описывают преимущественно историю обители в XVIII в. Комплексного же исследования раннего периода в истории монастыря на сегодняшний день не существует¹.

Точное время основания Истобенского монастыря не известно. Первое упоминание о нем относится к переписи А. Толочанова 1629 г.: «Да подле Истобново ж погосту монастырь Живоначальные Троицы стал вново, а на монастыре церковь теплая с трапезою во имя Живоначальные Троицы да предел Введенье Пречистые Богородицы, а в церкви образы и книги и колокола строенье монастырское, а на монастыре две кельи, а живут в них черные старцы, да около монастыря живут на монастырской земле монастырские бобыли, а дают они оброку в монастырь на церковное строенье»². Опираясь на эти сведения, исследователи обычно дают широкие хронологические рамки его основания – с 1595 по 1629 г.³

Однако документы позволяют определить более точное время возникновения обители. В начале XVIII в. в Истобенском монастыре хранилась грамота патр. Филарета от 25 февраля 1624 г., данная по челобитью церковного старосты Истобенской волости «Федки Иванова сына Устюжанина», которая сообщала о постройке на месте будущего монастыря храма: «Обещались де они на Вятке на старом Городише ниже посаду над рекою над Вяткою воздвигнуть храм во имя Пресвятей и Живоначальные Троицы да в пределе Введение Пресвятые Богородицы и как бы их благословити и велети б им на тот храм и на

предел лес ронить и давать антиминос». Патриарх разрешил построить храм с условием, чтобы был «предел церкви олтар особно», а по построении дать антиминос и освятить церковь священнику с диаконом⁴. В следующем «...134 году (1625/26) на Вятке воевода Петр Мансуров дал к церкви Троицы Живоначальные да Введению Пресвятые Богородицы в Истобенской волости, у речки Сингиревы дикое рамень черной лес под пашню на полчети выти, а в книги тое земли дачи своей не написал не ведомо почему»⁵. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что монастырь был воздвигнут с 1625 по 1629 г. А фраза из грамоты 1670 г., что в 1629 г. писец «Афонасей Толочанов... тое де церковь в Истобенской волости написал монастырем», свидетельствует о том, что, по-видимому, именно с этого года он официально стал считаться монастырем.

Инициатива в постройке храма, ставшего вскоре монастырем, принадлежала местному обществу. Это было характерной чертой первых вятских монастырей и отличало их от многих монастырей Перми Великой, где главная инициатива в создании обителей принадлежала обычно крупным купцам и предпринимателям, в частности Строгановым. Примечательно, что в г. Орлове – уездном центре – монастырь появится спустя 70 лет, причем по инициативе вятского архиерея и келаря Успенского Трифонова монастыря Илии (Семакина), а не горожан.

Как была организована внутренняя жизнь обители? Монастырь был основан, по-видимому, как общежительный. По крайней мере, таковым можно считать его на основании приходно-расходных книг рубежа XVII–XVIII вв., когда братии жалование, включая настоятеля, не выдавалось, а все необходимое, в том числе пища и одежда, приобреталось монастырем. Именно общежительный устав был введен в первой вятской обители и отсюда распространился по Вятскому краю.

Главенствующую роль в управлении обителью играл настоятель. От него во многом зависел и духовный настрой братии, и материальное обеспечение монашествующих. Первым известным настоятелем является черный поп «Ефремище Васильев сын Попов», упомянутый в писцовой книге 1646 г. Его именование в усилительной форме (Ефремище) необычно и в то время использовалось крайне редко. В переписных книгах имена крестьян и посадских представлены в уменьшительной форме – Ивашко, Петрушка и т. п. Духовенство именовалось в обычной форме – Петр, Павел. Хотя он не именуется строителем (настоятелем в чине иеромонаха), но сама форма его именованья подчеркивает его особый статус. Кроме того, в нарушение монастырских правил он жил в монастыре вместе со своими родственниками – «со внучаты з Гришкою да с Микиткою Власьевыми детми Губина, Гришка 8 лет, Микитка 6 лет». Поскольку он является иеромонахом, из этого можно заключить, что до по-

стрига он был, скорее всего, священником, в браке имел дочь, которая с мужем Власием Губиным рано скончалась, оставив на поруки отца-монаха своих детей⁶. В истории монастыря он известен тем, что в 7156 г. (1647/48) по его прошению воевода закрепил за обителью переданные ранее приходской Троицкой церкви земли в оклад⁷.

В 1666 г. упоминается настоятелем строитель черный поп Моисей. В своей челобитной он просил вятского воеводу Г. А. Козловского передать монастырю Пищальское раменье, что и было сделано⁸. В 1678 г. настоятелем был черный поп Тихон (Кочкин)⁹. В 1680 г. встречается строитель Никита¹⁰, в 7204 г. (1695/96) настоятелем был строитель иером. Киприан¹¹. В 1703 г. в начале года упоминается строитель иерод. Исая¹², а в конце года – строитель иером. Ияков¹³. Вероятно, это упомянутый в Синодике Истобенского монастыря 1716–1721 гг. строитель Иаков (Изергин)¹⁴. В 1705 г. по сведениям Строева монастырем управлял строитель Киприан, возможно, ранее упоминавшийся¹⁵. «Бывший строитель Киприан» встречается и в Синодике Истобенского монастыря¹⁶. В переписной книге 1710 г. во главе монастыря мы впервые видим настоятеля Иосифа в сане игумена¹⁷. По монастырскому синодику известна его фамилия – Изергин, а также имена его родственников (иером. Павел, Тит, Терентий, Улита, Савва, Наталия, Агафия, Ульяния, Максим, Евдокия, Иоанн, схимница Христина, Марк, Лука, Иаков, иерей Иоанн, Соломония, Стефанида, Евдокия, Андрей, младенец Петр, Васса и др.). К моменту записи в Синодик (1716–1721 гг.) он уже скончался¹⁸.

Следующим за ним был записан род игумена Истобенского монастыря Арсения (Протасьевых), еще здравствующего в то время (с поминовением схимника Моисея, иерея Лаврентия, схимницы Ираиды, Иосифа, Павла, Иакова, Марии, Евдокии и др.)¹⁹. Возможно, что речь идет о бывшем иером. Арсении (в миру – Артемий Михайлович Протасьев), казначее Успенского Трифонова монастыря. О последнем известно, что он родился ок. 1659 г., был священником Архангельской церкви с. Кстининского Березовского стана Хлыновского уезда. Принял постриг в Успенском Трифоновом монастыре. В 1721 г. упоминается в качестве казначея Трифонова монастыря, но в 1722 г. им уже не являлся²⁰. Однако в описи 1724 г. он назван иеромонахом, а не игуменом, что дает основание усомниться в этом предположении.

Поскольку в монастыре был один иеромонах или иеродиакон, необходимы были духовенство и причт для служения. Так, в 1646 г. помимо настоятеля в монастыре служавших монахов не было, поэтому их функции выполняли белое духовенство и причетники: «(во дворе) дьячек Павлик Степанов сын Савин з детми с Фомкою да з Гаврилком да с Конашкою, Фомка 10 лет, Гаврилко 7 лет, Конашка 2 лет, (во дворе) пономарь Петрушка Федоров сын Устюжанин с сыном Герасимком, Герасимко 4 лет, да з братом Елфимком, Елфимко женат (во

дворе), трапезник Олешка Иванов сын Устюжанин с сыном Сидорком, Сидорко 5 лет»²¹.

В 1678 г. за монастырской оградой жил пономарь Андриюшка Веснин, трапезник Стенка Толстиков с братьями. Дьячек «Юдка Долгушев» жил в с. Истобенском. Отдельный причт был в Пищальской вотчине, где монастырем была построена церковь во имя Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев. Там служили поп Иаков Поторочинов, дьячек Данилко Бехтерев, пономарь Артюшка Веснин²².

В 1702–1703 гг. настоятелем упоминается строитель иерод. Исая. Как иеродиакон он не мог служить без священника. Поэтому ему помогал в служении священник, вероятно, вдовец, готовившийся принять постриг²³. Белый священник, если таковой был, жил в монастыре вместе с братией, причт проживал в монастырской слободке, за монастырской оградой.

Главным помощником настоятеля был казначей. Поскольку братия была преимущественно крестьянская, то казначеи были, видимо, неграмотны. Об этом косвенно свидетельствуют приходно-расходные книги: так, в 7204 г. (1695/96) вместо казначея монаха Авраамия расписался строитель иером. Киприан²⁴. В 1703 г. вместо казначея Дорофея сначала расписался «Ивашко Филимонов», а затем «руку приложил» строитель иерод. Исая²⁵. Хотя это могло быть следствием слабости здоровья или отъезда казначея.

Что же касается численности братии, на протяжении всей истории она была небольшой. В 1629 г. в переписной книге указывалось, что в обители только две кельи, которые предназначались, вероятно, для двух-трех монахов²⁶. К 1646 г. в трех кельях проживали три старца, при этом три кельи оставались пустыми. Последнее говорит о том, что в недавнем прошлом было не менее 6 монахов²⁷. Однако численность, вероятно, продолжала сокращаться. 30 августа 1661 г. вятский воевода С. Хитрово писал царю, что «у тое церкви монастыря и братьи нет никого»²⁸. Тем не менее после фактического исчезновения братия начинает расти. В 1703 г. в монастыре проживало 19 человек братии и священник²⁹, в 1710 г. – игумен и 20 монахов³⁰, в 1724 г. – 19 человек братии.

Социальный портрет монашествующих Истобенского монастыря дает опись 1724 г., когда обитель уже была приписана к Орловскому монастырю. Перед закрытием пустыни в братии было 19 человек, причем все они приняли постриг в родной обители. Время пребывания в монашестве составляло от 4 до 22 лет. Все это говорит о том, что переходы из монастыря в монастырь были здесь редким, если не исключительным явлениям. Хотя они и были возможны. В братии Спасо-Орловского монастыря был иеромонах, который, приняв постриг в Истобенской обители и прожив там год, перевелся в Орлов. Причиной перехода, по-видимому, стала нехватка или отсутствие священников для служения в Спасском монастыре.

По словесному происхождению братия была в основном выходцами из крестьянства (15 человек), один человек был из духовенства, один из посадских и два бывших бобыля. Местными были чуть меньше половины (8 человек из Орловского уезда, почти все из Истобенской вол.). 9 монахов были из Хлыновского уезда, 1 из Котельничского и 1 из Нижегородского края – из вотчин Макарьевского Желтоводского монастыря.

Для богослужений был только один иеромонах, остальные были простыми монахами. Иеромонах Лаврентий (в миру Леонтий Мошкин) до пострига был священником Покровской церкви Шалеговской вол. Истобенского стана. Он был самым молодым в братии (46 лет), при том что принял постриг в возрасте ок. 23 лет, вероятно, вследствие ранней смерти супруги. Он был вынужден служить постоянно, причем и за священника, и за диакона, которого в монастыре не было. Помощников для церковных и хозяйственных служб среди братии также не было по причине преклонного возраста. Только иеромонах имел возраст до 50 лет, у 2 возраст был 50–59 лет, 3 – 60–69 лет, 9 – 70–79 лет, 4 – 80–89 лет. Таким образом, более чем две трети монахов были 70 лет и старше³¹. Данная картина была характерна не только для вятских монастырей, но и для России в целом. В то время постриг являлся благочестивым обычаем перед смертью, поэтому уходили в монастырь обычно в глубокой старости. Только священники порой были вынуждены поступать раньше вследствие смерти супруги: по церковным правилам второй брак им не дозволялся, а права служить на приходе они лишались.

По сведениям Синодика начала XVIII в. среди братии было много схимников, принимавших схиму как высшую ступень монашества³². Однако это не может прямо свидетельствовать о высоком духовном уровне монастыря, поскольку в то время это также было благочестивой традицией, как и само принятие монашества в старости.

Приходно-расходные книги конца XVII – начала XVIII в. позволяют выявить наиболее значимые местные праздники для монастыря, когда собиралось основное подаяние для обители. Это престольные праздники Троицы и Введения во храм Богородицы, а также праздники в память свт. Николая чудотворца (Николаи вешнего и Николаи зимнего), в честь которого был наименован приходской храм в с. Истобенском³³. Также в монастыре особо чтился преп. Трифон Вятский, иконы которого были в Троицком храме («преподобный отец Трифон, писан на красках... венцы золочены»), на паперти (на красках длиной пять четвертей³⁴) и на Святых вратах³⁵.

Сохранилась опись обители, составленная в мае 1703 г., которая помогает представить внешнее устройство монастыря на рубеже столетий. В это время в монастыре был деревянный Троицкий храм с трапезой. В нем среди прочих икон выделялись два образа в честь Св. Троицы: первый

в киоте с басмяным серебром³⁶ по полям золоченым, второй – медной литой вызолочен на киоте, оклад басмяный с 17 серебряными и позолоченными венцами. Иконостас был двухъярусным: в нижнем ярусе было 18 икон, в верхнем – 12 икон, посвященных церковным праздникам³⁷. Внутреннее убранство было достаточно скромным: одежды на престольные и на жертвенник были как из бархата, так и простой крашенины – крашенного льняного холста. Из облачений указаны только ветхие камчатые ризы и стихари. В церкви было только два деревянных подсвечника – «писаны на красках», железных и медных по бедности обители не было вовсе. Это же относится и к церковной утвари, которую обычно делали из серебра: потир, дискос, блюда и ложки были оловянными, а копии медными. Также оловянными были блюдо и чашка. Окна в церкви были слюдяными.

Что касается других монастырских построек, упомянутых в 1703 г., на входных Святых воротах вверху было 5 икон: Вседержитель, Богородица, Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил (по аналогии с деисусным рядом иконостаса), на другой стороне преп. Трифон Вятский, столпник Петр, Алексей человек Божий и еще один святой. Колокольня была построена по традиционному для того времени типу – «на четырех столбах», с 4 колоколами весом 5 пудов без четверти, 3 пуда, 24 фунта и 16 фунтов. Также в монастыре была часовня в честь Трех святителей.

Несмотря на скромность обстановки, в монастыре имелся необходимый набор богослужебных книг, за исключением на престольного Евангелия, которое имело немалую стоимость. Монастырскую библиотеку составляли книги в десть: Евангелие толковое, Апостол, 3 Октоиха, Минейная общая, Триодь постная и Триодь цветная нотная, Требник, 2 Пролога сентябрьские, Пролог полугодовой мартовский, 5 Миней месячных (с апреля по июль и сентябрь), Шестоднев. В полдесть: Минейная месячная (ноябрь), Минейная месячная (октябрь), 2 псалтири, Минейная общая, 2 служебника, 2 Ирмолога знаменных, Праздники, Обиход церковной, Минейная общая, Часовник со святыми, «Святцы книга... годовая с тропари и кандаки», 2 «кануника», Устав со святыми, тропарями и кандаками, Полуустав. Книги имели преимущественно богослужебный характер. Для повседневного чтения были только Минейная и Прологи и Толковое Евангелие.

Из 36 книг 24 указаны печатными, 7 рукописными, о 4 – не известно. Печатные книги были изданы в Москве, за исключением Толкового Евангелия, изданного в Киеве. Из книг две отмечены как вкладные: Часовник «новой печатной и со святыми печать московская прикладу Ивана Свешникова» и «Полуустав писчей приклад хлыновца попа Ивана (?)»³⁸.

Поддерживали монастырь вкладчики и благотворители. Так, в описании церковного имущества была икона Введения Пресвятой Богородицы со

серебряными позолоченными венцами – вклад «Осипа Филипова сына Глухих». Образ Тихвинской иконы Божией Матери вложил в монастырь настоятель Успенского Трифонова монастыря архим. Александр. Деисусная икона была вложена Бажиным³⁹. Более широкий круг благотворителей известен из монастырского Синодика 1716–1721 гг. (с более поздними добавлениями). Во-первых, это архимандриты Хлыновского Успенского монастыря (Александр, Парфений), Пыскорского Преображенского монастыря (Зосима, Пафнутий), Слободского Богоявленского монастыря (Никанор), игумен Спасо-Орловского монастыря Митрофан, священники кафедрального собора и иных храмов г. Хлынова, г. Котельнича, с. Истобенского, с. Шалегово, с. Горохово, с. Великорецкого, вятские воеводы, архиерейский подьячий, старцы вятских монастырей, жители Слободского, Орлова, с. Истобенского, Бахты, Пасегово. Из крупных купцов – купцы гостиной сотни Спиридон Лянгусов, Илья Гостев и Александр Шеин⁴⁰.

Опись позволяет представить некоторые бытовые аспекты жизни братии. 19 монашествующих и священник размещались в 6 кельях, примерно по 3–4 человека в келье. В монастыре была своя хлебня, где пек хлеб и просфоры хлебник Анисим. Из посуды в хлебне были 2 медные котла из красной меди весом по 4 фунта, медник объемом в ведро, железная сковорода, деревянных 20 ставцов и 50 ложек для братии. В казне хранилось 20 фунтов воска и 20 фунтов меда в тусе⁴¹.

Церковь неизменно именовалась Троицкой с Введенским пределом на протяжении всего XVII в. – начала XVIII в.⁴² Интересно и именование обители в это время. Если на протяжении XVII в. она устойчиво называется монастырем⁴³, то в документах 1702–1703 гг., 1716–1721 гг. именуется пустыней, хотя численность ее увеличилась за вторую половину XVII в. в 5–6 раз⁴⁴.

Существование монастыря напрямую зависело от его материального обеспечения. Важнейшим фактором его «выживаемости» было наличие земельных угодий. Еще до появления монастыря в 1625/26 г. воевода Петр Мансуров дал к приходской тогда еще Троицкой церкви «...у речки Сингиревы дикое раменье черной лес под пашню на полчети выти». В 1629 г. А. Толочанов, записав церковь монастырем, но «тое де земли к монастырю не написал». Поэтому в 1647/48 г. воевода Иван Ухтомский по челобитью монастырских властей «...поверстал тое земли в оклад за тем монастырем две выти с полчетвериком, и оброк положил, и стрелецкие денги велел платить до нашего великого государя указу, покаместа о той земле указ будет, и на тое землю поселились наши великого государя крестьяне вятчана ж розных городов и волостей, и то раменье росчистили и пашни роспахали немало»⁴⁵. Крестьян в эти земли привлекали, в частности, «малые оброки по воеводским дачам».

Однако вскоре монастырь лишился своих крестьян и доходов. 30 августа 1661 г. вятский воевода Софрон Хитрово писал царю, что в Василий Отяев в писцовой книге 1646 г. записал за монастырем 30 крестьянских дворов, «...а в писцовых книгах те крестьяне, а у иных отцы их написаны в тягле за нами великим государем, а у тое церкви монастыря и братьи нет никого, а владеют тем местом и оброки к церкви с тех крестьян емлют тое ж Истобенской волости крестьяне истобенцы ж старосты церковные; да и после переписки Василья Отяева поселились на то раменье наши великого государя иные многие крестьяне, розных же уездов и волостей, по дачам тое церкви истобенцов же приходских людей, а называют монастырскими крестьяны, а иные крестьяне в тех же межах имели тое земли у воевод на малые участки из оброков». По указанию воеводы земли измерили и переписали дворы. За церковью оказалось 648 четвертей земли и 66 крестьянских дворов, которые в оклад не были положены. Царь в 1670 г. повелел вятским воеводам положить государственных крестьян переселить на черносошные земли и обложить их тяглом⁴⁶.

Тем не менее настоятель Моисей постарался получить для обители новые земли. По его челобитной 27 марта 1666 г. монастырь получил Пищальское раменье – «черный лес» для сенных покосов с бортными угодьями по обе стороны р. Холуницы. На юге межа проходила вниз по Черной речке «до сидячего болота до голых боров», а оттуда до Марадыково раменья. Монастырь просил эти угодья в оброк с льготой на один год. Раменье было дано, но на иных условиях: царь продлил льготу до 7 лет с марта 1666 до марта 1673 г., с условием к покосам и бортям «пашню распахать и дворные игуменские хоромы поставить и поля огородить». Когда льгота закончится, платить с пашни, покосов и бортных угодий в Хлыновскую съезжую избу оброк по 10 к.⁴⁷

Монастырь выполнил свое условие. Спустя 10 лет здесь были расчищены не только места для пашни, но и образовался погост с храмом. В Переписной книге 1678 г. говорится: Истобенского монастыря «починок новоросчисной на Пищальском раменье, а на том раменье погост вново, а на погосте церковь во имя Зосимы и Саватия Соловецких Чудотворцов». Также у монастыря появилось два починка – на Марадыковском раменье, где жил один половник, и в Орловском уезде на Боровице, где жил половник с двумя сыновьями. Всего в монастыре насчитывалось 15 крестьянских дворов и 29 душ⁴⁸. Для сравнения: по писцовым книгам 1646 г. относилось «к Троицкому монастырю 10 починков, а в них дворов 30, а людей в них 135 человек, починок пуст»⁴⁹. Менее чем через 10 лет, в 1654 г., когда производилась генеральная дворовая перепись Караулова, за Троицким монастырем числились 42 двора и 45 душ⁵⁰.

Как жил монастырь на рубеже XVII–XVIII вв.? Доходы монастыря были невелики. Приходно-рас-

ходная книга конца XVII в., составленная казначеем монахом Авраамием, содержит следующие сведения. Доход поступал от трех основных статей: подаяние, свечные и медовые сборы составили 6 р. 94 к., вымолоченные (за помол зерна на монастырской мельнице) 45 к., оброчные с пашни 7 р., всего 14 р. 39 к. Сохранились книги и имена сборщиков – старцев Лукиана и Варфоломея, а также Родиона Загребина. Причем ходили собирать подаяние не только с иконой, но и «с пеленой».

Расходы были следующими: было заплачено с Марадыковского починка стрелецких денег, подымных и на мирские расходы 1 р. 30 к., отдано работникам за кошение сена 1 р. 30 к., куплено рыбы на братский обиход на 6 к., заплачено оброчных за рыбные ловли 30 к., куплено 10 кос за 50 к., выдано хлебнику за год 1,5 р., куплено 9 сошников за 1 р., холста-хряща для братии на 3 р., воска, вина и ладана на 4 р. 50 к., рогож, лаптей, ставцов⁵¹ и горшков, упряжи на 53 к., отдано мирскому выборному старосте Пищального раменья 48 к. Общий расход составил 14 р. 47 к., превысив доход на 8 к. Товары покупали преимущественно на местном рынке, иногда выезжали в Котельнич и в Хлынов⁵². Манатейное сукно не покупалось, а монашеские одежды шились из хряща – самого грубого и толстого холста, который, возможно, даже не красился в темный цвет.

Также монастырь получал натурой хлеб от крестьян. С монастырских починков Багаевского и Хлыбовского в монастырские амбары в 1702 г. поступило 25 четв. ржи, 30 четв. овса и 4 четв. с осминой ячменя. Весь хлеб расходовался на братию, но получаемых доходов и хлеба не хватало. Поэтому настоятель иерод. Исая писал: «а сверх того питаемся мирским подаянием милостынею»⁵³.

В приходно-расходной книге Истобенского монастыря за 1703 г. отмечалось, что хлеб сеется на Марадыковском починке и Пищальском раменье. Расход овса – братии, работникам и

вкладчикам на квас, крупы и толокно, а также на корм скоту – 18 четвертей с осминой и четвериком, ячменя 1,5 четверти с четвериком, скотнику за работу выдано 5,5 четв. овса. Также 15 четв. овса ушло на братский обиход из мирского подаяния⁵⁴.

По описи 1703 г. в амбаре и житницах хранилось оставшиеся к маю 10 осмин ржаной муки и зерном: 60 осмин ржи и 50 осмин ярового, 10 осмин овса и ячменя, а также купленных 30 батман⁵⁵ соли. Из инструментов было 6 «дроворубных» топоров и 20 кос.

«Конюшенной и коровий дворец» представлял собой избу с клетью и подклетом. На конюшенном дворе было «деловых» коней 4 мерина и 2 кобылы «шерстью разны», 6 телят годовалых и полугодовых, 9 овец, 10 баранов. За ними присматривал живший там же наемный коровник Никита Овчинников. Также при монастыре жил вкладчик Григорий Искилдирев. Монастырь имел две прикладные пожни⁵⁶.

В первой четверти XVIII в. наблюдается значительный рост монастырских крестьянских дворов (см. таблицу). По официальным данным в 1678 г. у Истобенского монастыря было 15 дворов⁵⁷, в 1710 г. – 13⁵⁸, в 1722–143. Не менее удивителен и рост числа ревизских душ: 29 в 1678 г., 222 в 1719 г. и 1176 в 1722 г. Едва ли это можно объяснить естественным приростом населения или сверхактивной социальной мобильностью. Причиной различия цифр стало, вероятно, то, что к монастырским крестьянам были приписаны полковники – черносошные крестьяне, которые работали на монастырь, платя часть урожая. Но, возможно, что крестьяне действительно стали активно селиться в монастырских землях и записываться в монастырские крестьяне вследствие реформ Петра I, пытаясь найти в лице монастыря защиту. В этом отношении интересно замечание старожила, описывавшего жизнь монастыря в XVIII в.: «Пока был монастырь, народ в Истобенске валом валил: шли из Подрелья,

Вотчинные владения вятских монастырей в последней четверти XVII – первой четверти XVIII в.

Вятские монастыри-вотчинники	1683/84 (дворов)	1719 (душ м.п.)	1722 (дворов / душ м.п.)
Архиерейский дом (с приписным Котельничским м.)	758	5956	1275/10162
Успенский Трифонов м.	980	14452	5264/25636
Слободской Богоявленский м.	35		76/328
Верхочепецкий Крестовоздвиженский м.	176		369/1612
Истобенский Троицкий м.	15	222	143/1176
Холуницкий Троицкий м.		–	104/384
Верховятский Екатерининский м.	45	331	159/659
Закобрский Введенский м.	2	270	79/1095
Куринский Архангельский м.	7	69	25/268
Раифская пустынь	–	–	13/142
Всего:	–	21300	7507/41462

Сост. по: *Вештомов А. И.* История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781-й год чрез 600 лет. Казань, 1907. С. 132, 143–145; Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881. С. 222.

бежали из-за Вятки, плелись из Шалегова, – все приписывались в монастырские, чтоб увильнуть от солдатчины и найти защиту от приказных. Народу прибывало, а селиться было некуда. Окружная земля принадлежала деревням; те истобенцев и не пускали на свои земли»⁵⁹.

Следует отметить, что помимо хлебопашества в жизни местного крестьянства большую роль играли промыслы, в частности рыболовство. О жизни Истобенска в XVIII в. сообщалось, что в то время «река (Вятка. – Е. К.) была многоводна, рыбы водилось в ней много и стерляди продавались нипочем...»⁶⁰

О состоянии хозяйства накануне закрытия монастыря свидетельствует ведомость 1724 г. Монастырь собирал с монастырских крестьян 22 руб. в год, с бобылей Заоградной слободки – 1,5 руб., с монастырских двух деревень, которыми владели в Истобенском стане Талицкой церкви поп Симеон Юферев и крестьянин Андрей Крылов, – 2 р. 70 к. в год. Указанные деньги употреблялись на покупку воска, ладана, церковного вина и необходимые братские расходы «бес чего в том монастыре пробыть невозможно». Деньги расходовались полностью, «а бывает и недостает». Также с монастырских крестьян ежегодно собиралось ржи по 30 четв., овса на толокно по 15 четв., и с деревень в Истобенском стане ржи по 2 четв. с осминой и столько же овса.

В монастырских деревнях пахали «по вятскому обихованию» половники из приполюнного половинного хлеба. Так, в 1722 г. монастырь получил от половников ржи 30,5 четв., овса – 45 четв., ячменя – 4 четв. Указанный хлеб «употребляется в том монастыре настоятелю з братиею и с трудники в расход вес(ь) бес остатку, что в скудость; и до новаго году бывает про монастырский доход недостаток и за таким недостатком до новаго году пробавляетца от христоролюбивых людей подаянием с великою нуждою»⁶¹. Таким образом, с 1702 г. наблюдается увеличение в два раза получаемого монастырем зерна с 60 до 127 четв., но и этого хлеба было недостаточно.

Также ежегодно собиралось по 380–400 копен сена, которое без остатка расходовалось монастырским лошадям и скоту.

На 19 человек братии приходилось 15 трудников, которые работали на монастырских службах. Жалования ни трудники, ни братия не получали, включая настоятеля. Но монастырь обеспечивал их питанием и одеждой. Уровень жизни был невысок. Питались они «с великою скудостью... За недостатком денги пробавляютца с великою нуждою, прося от христоролюбивых людей»⁶².

Таким образом, в монастыре работали три группы работников: монастырские трудники и служитель, работавшие за пищу и одежду, а также монастырские крестьяне и половники, которые за пользование монастырской землей платили натуральную и денежную ренту. Сеяли преимущественно овес и рожь, в меньшей степени ячмень. Овес шел как фураж, так и в пищу. На Вятке

популярно было толокно, о чем свидетельствует и данный документ. Также указанные культуры давали неплохие урожаи в суровых северных условиях. Пшеницу для просфор не выращивали и не покупали. Поэтому пекли их, видимо, из тех культур, которые выращивались. Трехполье, по видимому, использовалось наряду с подсекой, на что указывает присутствие в документе сведений о расчистке земли из-под леса⁶³.

Поступательное развитие монастырского хозяйства в первой четверти XVIII в. было прервано петровскими реформами. В 1722 г. царь инициировал ликвидацию небольших монастырей, в которых проживало не более 30 человек братии⁶⁴. В указанную группу попали 6 вятских и 4 пермских мужских монастырей епархии. Так, Истобенский монастырь должен был присоединиться к Спасо-Орловскому, хотя последний не имел никаких земельных владений. Здесь, вероятно, сыграл свою роль административный фактор: Орлов являлся уездным центром, в то время как Истобенск – только волостным. Однако через 2 года после смерти Петра I, в 1727 г., когда начинается «откат» радикальных петровских реформ, Истобенский монастырь первым из вятских обителей вернул свою самостоятельность⁶⁵.

Что касается дальнейшей истории монастыря, в 1764 г. в результате секуляризации монастырь утратил свои земли, а в 1795 г. иноков перевели в затухавший Соликамский Вознесенский монастырь в пермских землях, который стал называться Соликамским Истобенским монастырем⁶⁶.

В истории Истобенского монастыря отразились основные тенденции развития русского монашества XVII–XVIII вв. Он создавался на волне колонизации Вятского края. Благодаря его усилиям были основаны поселения на Пищальском раменье (с. Пищалье), на Марадыковском раменье (д. Марадыково, Быстряги), у с. Монастырщина, на р. Сингиревке, на р. Боровице. Монастырь не имел ни крупных благотворителей, ни значительных вотчин, что ставило его в прямую зависимость от местного крестьянского населения, по инициативе которого он и был создан. Поэтому важен был духовный уровень обители. Реальная значимость монастыря оказалась сильнее политических реформ первой четверти XVIII в. Именно инициатива прихожан позволила на 70 лет восстановить самостоятельность обители и поддерживать ее существование в непростых исторических условиях.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Кировской области (научный проект №14-11-43003).

Примечания

¹ См.: Вахонин С. Г. Истоки. Оричи, 1996. С. 9–10; Маркелов А. В. К истории Истобенского Свято-Троицкого монастыря // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера: материалы

- междунар. науч. конф. : в 2 т. Киров, 1996. Т. 1. С. 79–82; *Пислегина А. В.* Монастырский комплекс как доминантный центр поселения (на примере Троицкого Истобенского и Успенского-Лихоткина Яромаского монастырей) // *Ломоносов : материалы XII Междунар. конф. : в 2 т. Т. 1. М., 2005 и др.*
- 2 Книга писцовая Орлова города с уездом 137 (1629) году // *Труды Вятской ученой архивной комиссии (далее – ТВУАК). 1909. Вып. 2–3. Отд. 2. С. 51.*
- 3 См.: *Луцков П. Н.* История вятских сел // *Энциклопедия Земли Вятской : в 2 т. Т. 4. История. Киров, 1995. С. 161 ; Сычев В. И.* Вятские монастыри в конце XVI – начале XX века // *Европейский Север в культурно-историческом процессе. Киров, 1999. С. 221 ; Пислегина А. В.* Указ. соч. С. 239 ; *Очерки истории Вятской епархии. Киров, 2007. С. 52.*
- 4 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 66–66 об.
- 5 Грамота воеводе Венедикту Змееву об утверждении за Вятскою епископскою кафедрою приписных к ней земель и крестьян // *ТВУАК. 1908. Вып. 2. Отд. 3. С. 59.*
- 6 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Орлов № 1. Л. 172 (Сообщено В. А. Любимовым и А. Л. Мусихиным).
- 7 Грамота воеводе Венедикту Змееву... С. 59.
- 8 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 67–68.
- 9 Переписная книга дворов города Орлова, тяглых и оброчных деревень и дворов в волостях переписи Михаила Петровича Воейкова и подъячаго Феодора Прокофьева 186 (1678 года) // *ТВУАК. 1910. Вып. 1. Отд. 2. С. 64.*
- 10 *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 810.
- 11 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 469, 471, 476–477.
- 12 Там же. Д. 665. Л. 19–20.
- 13 Там же. Д. 6346. Л. 65.
- 14 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 722. № 22. Синодик Истобенского Троицкого монастыря. Л. 42 об.
- 15 *Строев П. М.* Указ. соч. Стб. 810.
- 16 ОР РГБ. Ф. 722. № 22. Синодик Истобенского Троицкого монастыря. Л. 14 об.
- 17 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1034. Л. 63 об.
- 18 ОР РГБ. Ф. 722. № 22. Синодик Истобенского Троицкого монастыря. Л. 13.
- 19 Там же.
- 20 *Кустова Е. В.* История Вятского Успенского Трифонова монастыря : в 2 т. Т. 2. Киров, 2013. С. 69.
- 21 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Орлов № 1. Л. 172–173.
- 22 Переписная книга дворов города Орлова... 1678 года... С. 61, 64, 112.
- 23 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 64 об.
- 24 Там же. Д. 7. Л. 469, 471, 476–477.
- 25 Там же. Д. 665. Л. 19–20.
- 26 Книга писцовая Орлова... (1629) году... С. 51.
- 27 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Орлов № 1. Л. 172–173.
- 28 Грамота воеводе Венедикту Змееву... С. 59–61.
- 29 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 64 об.
- 30 Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1034. Л. 63 об.
- 31 Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 37, 37 об., 41–43 об.
- 32 ОР РГБ. Ф. 722. № 22. Л. 20.
- 33 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 470 об. – 471.
- 34 Четверть – мера длины в XVI–XVII вв. ок. 18 см.
- 35 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 61 об., 64, 64 об.
- 36 Басма – тонкий лист металла (чаще всего серебряный, реже золотой или медный) с рельефным выдавленным рисунком.
- 37 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 61, 62.
- 38 Там же. Л. 62–64 об.
- 39 Там же. Л. 61 об., 62 об.
- 40 ОР РГБ. Ф. 722. № 22. Л. 12 об.–104 об.
- 41 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 64 об.
- 42 Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1034. Л. 63 об. ; Книга писцовая Орлова... (1629) году... С. 51 ; Переписная книга дворов города Орлова... (1678 года)... С. 64 и др.
- 43 Книга писцовая Орлова города... (1629) году... С. 51 ; Грамота воеводе Венедикту Змееву... С. 59–61 ; Переписная книга дворов города Орлова... (1678 года)... С. 64 и др.
- 44 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 60; ОР РГБ. Ф. 722. № 22. Л. 20.
- 45 Грамота воеводе Венедикту Змееву... С. 59.
- 46 Там же. С. 60–61.
- 47 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 67–68.
- 48 Переписная книга дворов города Орлова... (1678 года)... С. 112–113.
- 49 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Орлов № 1. Л. 239.
- 50 *Селивановский И. П.* Село Истобенское (Вятской губернии Орловского уезда) // *Календарь Вятской губернии на 1893 г. Вятка, 1892. С. 157.*
- 51 Ставец – деревянная или глиняная чашка или миска.
- 52 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7. Л. 469–473 об.
- 53 Там же. Д. 665. Л. 19–20.
- 54 Там же. Д. 7. Л. 484 об.–485.
- 55 Батман – мера веса, равная пуду.
- 56 РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6346. Л. 64 об.–65 об.
- 57 Переписная книга дворов города Орлова... (1678 года)... С. 112–113.
- 58 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1034. Л. 115. Всего же в Истобенском оброчном стане было 240 дворов, 699 м.п. и 739 ж.п.
- 59 *Селивановский И. П.* Указ. соч. С. 158–159.
- 60 Там же.
- 61 ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 4. Л. 64 об. – 65.
- 62 Там же. Л. 65 об., 67 об.
- 63 См.: *Стародумов В. Н.* Троицкий Истобенский монастырь в 1724 г. // *Европейский Север в культурно-историческом процессе : материалы междунар. конф. Киров, 1999. С. 228.*
- 64 ПСЗ-1. Т. VI. № 4022. Прибавление к Духовному регламенту. Май 1722 г. П. 44, 45.
- 65 ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 25–119 ; *Очерки истории Вятской епархии (1657–2007). Киров (Вятка), 2007. С. 89.*
- 66 Государственный архив Пермского края. Ф. 193. Оп. 1. Д. 4. Л. 6; Д. 6. Л. 194.